

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

ВОТ ТАКАЯ БАЙДА

СТР.14-16

МЕХЛИС

СТР.4-7

ТРУДНО БЫТЬ ЯРМОЛЬНИКОМ

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№3 (188)
ЯНВАРЬ 2024

**БУЛЬВАРНЫЕ
НОВОСТИ**

Варя ПАННЯ.

СТР.20

**ЗВЁЗДЫ ЭСТРАДЫ
ДЛЯ НИКОЛАЯ
ВТОРОГО**

СТР.8-11

**МОЕ ОБЩЕНИЕ -
ДОБРАЯ ИРОНИЯ**

ТРУДНО БЫТЬ ЯРМОЛЬНИКОМ

Геннадий Норд

Леонид Ярмольник - актер с именем и без званий, продюсер, теле- и радиоведущий, не заслуженный и не народный артист.

Леонид родился в 1954 году в поселке Гродеково Приморского края в семье военнослужащего.

В 1960-е годы вместе с родителями переехал во Львов.

В детстве занимался музыкой, спортом, выступал в театральной студии при Народном театре имени Ленинского комсомола.

В 1976 году окончил Высшее театральное училище имени Бориса Щукина, где учился на курсе театрального педагога Юрия Катина-Ярцева.

В 1976-1983 годах был актером Театра на Таганке. Дебютировал в спектакле Юрия Любимова «Мастер и Маргарита».

С 1974 года начал сниматься в кино, впервые появившись в фильме Инессы Селезневой «Ваши права?».

Успех пришел к Ярмольнику в 1979 году после выступления в телевизионной передаче «Вокруг смеха», где он разыграл юмористическую пантомиму «Цыпленок табака».

Всего за свою творческую карьеру Леонид Ярмольник снялся более чем в 80 фильмах.

Леонид Ярмольник успешно занимается продюсированием фильмов. Среди его проектов - кинокартины «Московские

каникулы» (1995), «Перекресток» (1998), «Барак» (1999), «Мой сводный брат Франкенштейн» (2004), «Тиски» (2007), «Стиляги» (2008).

- В последние лет двадцать в твою биографию пришли большие роли.

- Да. Я играл в замечательных картинах, они все получились, за какие-то свои работы я получил награды, включая «Серебряного леопарда» в Локарно и Государственную премию за фильм «Барак». Я уже не говорю о, может быть, главной картине в моей жизни - «Трудно быть богом» Алексея Юрьевича Германа.

- Что тебе известно о своих предках?

- Дедушку немцы расстреляли буквально в первый месяц войны, он был председателем колхоза на Украине. Бабушка - мамина мама - тоже умерла рано, когда я был еще совсем маленьким. Папиных родителей я знал лучше, но их тоже уже давным-давно нет в живых.

Единственное, что я знаю: людей творческих профессий среди моих предков не было, поэтому я, можно сказать, «первый выродок в семье».

- Ты ощущал особое отношение между евреями в киношной среде?

- Нет. Просто потому, что по степени комфорта и взаимопонимания общение с Зиновием Гердтом, Петром Тодоровским и Александром Ширвиндтом, как и с другими талантливейшими артистами-евреями, коих действительно было немало, ничем не отличалось от общения, например, с Ев-

гением Евстигнеевым, Михаилом Ульяновым или Юрием Яковлевым.

Я вообще считаю, что актерская профессия очень братская по сути и к национальности отношения не имеет. Если и есть родство в этом деле, то оно в понимании и признании таланта коллеги, в желании работать вместе.

- Известно, что после перестройки ты сам так виртуозно, в отличие от многих, «перестроился», что легко нашел свою нишу в новой эпохе. Чем ты это объясняешь?

- Я как раз достиг такого возраста, когда уже набил каких-то шишек и уже что-то умел, у меня было больше опыта. Не думаю, что перестройка сильно повлияла на мою биографию. Просто можно поблагодарить ее за то, что наступило время, когда стало возможным больше ответственности брать на себя, что с одной стороны - замечательно, а с другой - невероятно опасно. Потому что за последние 25 лет или чуть больше я не раз пробовал себя как кинопродюсер. А продюсер - это такой человек, который должен найти деньги, потом эти деньги правильно потратить, чтобы зрителю было на что посмотреть.

Поэтому я напрямую не завишу от того, что происходит в стране. Я не флюгер, я знаю, чему меня научили, чего я хочу, какое кино я люблю, и если я трачу силы, время, деньги, нервы и рискую, то я рискую ради того, что хочу сделать, потому что у меня есть мои «собратья по разуму» - люди, которые разделяют мою точку зрения. Или я разделяю их точку зрения.

- А когда тебе предлагают выступить в качестве продюсера или сыграть какую-то роль, ты ориентируешься в пер-

В фильме Стиляги

вую очередь на коммерческий успех или все-таки на какие-то идеалы?

- На коммерческий потенциал продюсер должен смотреть всегда, но для меня это никогда не было первопричиной того, чем я занимаюсь. И мой послужной список, по-моему, это ярко демонстрирует.

С точки зрения зарабатывания денег, а зарабатывать я люблю и еще больше люблю тратить, я могу заработать их с меньшим риском, чем занимаясь продюсерской деятельностью. Но это такая профессия, в ней всегда нужно рисковать. И я это, наверное, люблю.

- После такого большого диапазона сыгранных ролей, после дна Руматы благословенной памяти Алексея Германа, есть ли еще мечта о какой-то несыгранной роли?

- Есть. Эту роль я, увы, не сыграл, и сейчас уже, наверное, почти поздно. В свое

С Ириной Селезневой в фильме Московские каникулы

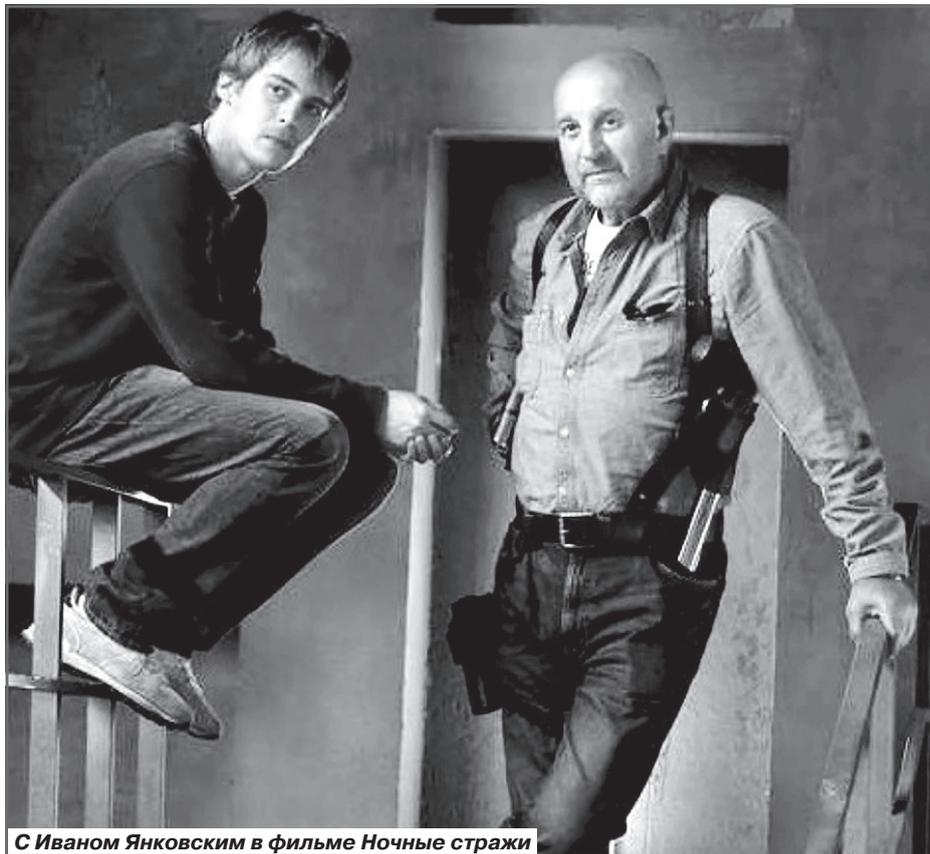
С Инной Чуриковой в фильме Тот самый Мюнхгаузен

С Николаем Фоменко в спектакле «И снова с наступающим!»

С Геннадием Нордом

С Иваном Янковским в фильме Ночные стражи

Юрий Саульский, Матвей Ганопольский, Константин Эрнст, Леонид Парфенов, Михаил Марфин, Леонид Якубович, Леонид Ярмольник и Дмитрий Дибров на 30-летию КВН

время я очень переживал, что не сыграл Хлестакова. И сейчас я бы сказал, что, наверное, сыграл бы ее очень хорошо. Но не сложилось. Хлестакова нужно играть в 25, в 30, ну, в 35 лет. Дальше уже поздно - иначе мы меняем суть произведения Гоголя.

Еще одна роль, которая от меня тоже уже убегает, - это роль короля Лира. Несколько лет тому назад я даже пытался сделать кое-какие телодвижения по этому поводу. Потому что считаю, что все короли Лира, которых я видел в своей жизни, в кино и спектаклях - они не совсем точные. Во-первых, королю Лире не может быть 60-70 лет. Это зрелый мужчина в расцвете сил, 40-45 лет: у него дочерям по 20-22 года! И то, что он устроил, то, что он решил проверить, - это, выражаясь сегодняшним языком, розыгрыш. Только розыгрыш этот превратился в трагедию.

Вот так эту историю никто не видел. Так ее еще никто не рассказывал. Но пока надежды нет: я же не режиссер, я - артист. А все очень зависит от того, кто будет это ставить. Если бы Римас Туминас, или Гинкас, или Валера Тодоровский вдруг решили это сделать для театра, тогда стоило бы попробовать. А если просто какой-то режиссер захотел бы сделать спектакль «Король Лир» с Ярмольником в главной роли, чтобы создать «хайп», то меня это вряд ли устроит.

- Значит, пока твоей любимой ролью остается роль дна Руматы из «Трудно быть богом» Германа-старшего?

- По масштабу и какой-то невероятной отстраненности от привычного кино - наверное. Этот фильм, безусловно, пережил и меня. Он настолько необычный, что, может быть, и я до конца не все понимаю. Уже сегодня эта картина, по мнению английских, французских и американских кинокритиков и историков кино, входит в сотню лучших фильмов современности.

И, пожалуй, это - моя самая сложная работа.

Хотя, конечно, популярен и узнаваем я, прежде всего, своими комедийными и детективными ролями. Многомиллионной аудитории всегда нравилось и нравится, когда я участвую в развлекательном жанре. Это касается и кино, и телевидения. И на всю жизнь за мной закрепился «Цыпленок табака», так что вопрос надгробия, можно сказать, для меня решен.

Как любой артист, я все равно - клоун. Но вот с маленькой или большой буквы - это решит время.

- Ты - счастливый человек?

- Конечно! Без ложной скромности могу заявить, что практически все, что я хочу, я могу организовать и сделать. С каждым годом все больше забот, график уплотняется, есть чем заниматься!

А вот то, что организовать невозможно, жизнь дарит сама. Это - такой абсолютный подарок судьбы. Поэтому очень много времени я уделяю двум своим обожаемым внукам: меня самого это очень питает, я наслаждаюсь этим невероятно, открывая для себя новый мир, - я же смотрю на жизнь их глазами! А они видят не так, как я, и в этом смысле я тоже благодарен судьбе за то, что все своевременно. Так что внуки - это главная награда для меня!

- Ты отказался от звания заслуженного артиста России, а накануне 50-летия - от звания народного артиста.

- Тут все очень просто, нет никакого секрета. Я - шукинец, закончил театральное училище имени Щукина. Моим первым театром была Таганка, куда ходил еще будучи студентом, пересмотрел все спектакли по пять-семь раз. И когда Юрий Любимов в 1976 году взял меня в свою труппу, был счастлив. Проработав в этом театре много лет, понял, что звания в нашей стране мало что значат. Неслучайно в Америке нет звания народного артиста Соединенных Штатов.

Считаю, что артиста должны знать по имени и в лицо, если мы говорим о кино. Чтобы долго не объяснять - Владимир Высоцкий был просто артистом. Не заслуженным и не народным. И Государственной премии он был удостоен посмертно за «Место встречи изменить нельзя».

А сегодня эти звания носит невероятное количество артистов. Взять просто один московский театр: там каждый второй - народный артист. На мой взгляд, это не прибавляет ни уважения, ни знака качества. Это не дает тебе права больше сниматься или играть на сцене, тебе не будут уступать место в общественном транспорте.

Окончание на с. 6

С Александром Абдуловым и Андреем Макаревичем

С Алексеем Германом-старшим на съемках фильма *Трудно быть богом*

Окончание. Начало на с.5

При советской власти, когда театр ехал на гастроли, народных артистов выделяли на афишах красным цветом, они летали в бизнес-классе, жили в номерах люкс. Хоть какой-то прок был от званий.

- Сейчас совсем никакого?

- Сейчас есть так называемый райдер. В зависимости от того, насколько хотят тебя пригласить, такие и предлагают условия. А ты соглашаешься или не соглашаешься. Ну, добавили доплату за звание тридцать тысяч рублей. Но в званиях нет славы, есть только какая-то формальность. Уж не говорю о том, что звания сегодня - не показатель мастерства.

Я все равно не могу сравнить современных народных артистов с Яковлевым, с Евстигнеевым, Табаковым, Ульяновым, Гриценко. Это глыбы. Они и были народными. А какими еще?

Я же отказывался от этих званий просто потому, что не отношусь к ним с уважением. Они слишком обезличены сейчас. Может быть, еще сыграло роль и то, что в мои лет сорок, когда звание могло бы потратить моему самолюбию, я не принадлежал

ни одному театру, нигде не был в штате, меня никто не мог выдвинуть. А когда спохватились - было уже поздно. И не нужно, и не важно. Прошло то время, когда мне бы это доставило радость. И жена тоже согласна со мной. Она говорит:

- Ну, что это такое? Будешь как все.

- И все-таки: это демарш, какая-то обида или спокойное внутреннее отношение?

- Абсолютно спокойное отношение, никакого демарша нет. Повторю: у актера должно быть имя, а не звание. Еще хорошо, когда один артист отличается от другого суммой гонорара. Вот это и есть показатель уважения, любви и твоей исключительности.

- Какое у тебя отношение к своим самым популярным ролям?

- Мои учителя повторяли фразу:

- Любый жанр хорош, кроме скучного.

Я по этому принципу и живу.

- Если говорить о более взрослых зрителях, то они больше смотрят телевизор, чем ходят в кино. А ты, думаю, у многих, прежде всего, ассоциируешься с ТВ. Был «L-клуб», был «Форт Баярд», КВН, «Золотая лихорадка».

С женой Оксаной Афанасьевой

Елена Конева

Зоя Пыльнова

Сейчас нет желания вернуться на телевидение и вести какую-нибудь программу? Любую, кроме скучной?

- Предложений таких много. Приблизительно раз в три-четыре месяца какой-то из каналов мне предлагает что-то вести. Я отказываюсь, потому что в том, что я делал на телевидении раньше, всегда была какая-то изюминка, непохожесть на другие проекты. Нет идеи по-настоящему новой, интересной. Предлагают перепевы того, что уже есть.

И потом: сейчас телевидение стало настолько бесстыжим. Такое количество программ, где всех интересуют разводящиеся звезды, скандалы. Я такое смотреть не могу. Мне это не интересно. Мне кажется, что в этих случаях телевидение ведет себя преступно, оно портит вкус зрителей, уничтожает чувство собственного достоинства. Есть вещи, которые должны обсуждаться только в семье. Иначе это отвратительно и безнравственно.

- А режиссерские амбиции есть?

- Нет. Я слишком взрослый и слишком опытный человек. Понимаю, что режиссер - это другой склад ума. То, что у тебя есть невероятный опыт работы на сцене или в кино, не позволит тебе автоматически стать хорошим режиссером.

К примеру, я могу снять кино. Легко. Но это будет не режиссерское кино, это будет кино актера Ярмольника. А я с большим уважением отношусь к режиссерской профессии, она очень трудная. Это особая каста, особые люди. И я режиссером не стал и не стану. Но это ничего не значит. Бывают исключения. Существуют люди, которые были актерами, а стали режиссерами. У меня есть относительно печальный опыт - ближайший мой друг Саша Абдулов. Он в свое время увлекся режиссурой. Саша уже нет, но я говорил ему и при жизни: его место - это актерство. Он энергично и эмоционально ворвался в свое время в режиссуру, но все равно это не стало событием, не победило его актерские заслуги. Помнишь, был такой фильм «Бременские музыканты»? Я к этому всегда относился с юмором и говорил, что если Саше хочется, он имеет право экспериментировать. Он это заслужил.

Но сам я бы не хотел попробовать. Хотя предложения тоже были.

- Что тебе лично ближе: кинематограф Германа или популярные репризы, легкие комедии?

- Алексей Герман - это собственная планета, это другая галактика, это свой язык, свой смысл. Разделения между доступным кино, массовым, комедийным и кинематографом Германа я не делаю. Повторю: если это не скучно, признаю любые жанры.

Что касается фильма «Трудно быть богом» - я один из самых счастливых артистов своего поколения, потому что мне удалось проработать столько лет с Германом. Это подарок судьбы. Это новое представление о профессии, о кино, о смысле. Как говорится, писателей много, но есть Толстой, Достоевский, Гоголь. А в кино есть Герман. У него свой взгляд на мир.

- Если отталкиваться от названия фильма Алексея Германа, скажи, а трудно ли быть Ярмольником?

- У меня был очень близкий друг - великий художник Давид Боровский. Мы много лет дружили, его давно нет в живых. Когда мне исполнилось 50 лет, Давид Львович написал картину, она до сих пор висит у нас на даче. На полотне изображено подобие голливудских холмов, а написано на них вместо слова «Голливуд» - «Трудно быть Ярмольником».

- То есть все-таки трудно?

- Да, наверное, трудно. Трудно себе не изменять, не превращаться в другого человека, не изменять своим принципам.

Жизнь меня научила тому, что очень многие люди меняются, становятся своей противоположностью.

Раньше люди восторгались чем-то одним, любили что-то, а потом почему-то перестали восторгаться и любить. Люди очень меняются с возрастом. Не знаю, от чего это зависит. То ли от жизни, то ли от семьи. Получается, что предпочтения, которые были в молодости, они не настоящие.

А я как-то очень предан своей юности, тем принципам, которые исповедовал. Думаю, так правильно и так логично. Помню свою молодость, в 17-18 лет был абсолютно взрослым самостоятельным человеком, каждый день делавшим свой выбор. Таким и остаюсь.

- У тебя были одержимые поклонницы, которые дежурили в подъезде?

- Нет. А когда в восьмидесятые годы появилось понятие «секс-символ», меня это, слава богу, миновало. Меня, наверное, любили тайно. Но всегда были и есть сумасшедшие девчонки, которые тебя обожают, и ты не понимаешь, за что. Раньше мне говорили:

- Можно с вами сфотографироваться?

А теперь говорят:

- Леонид, ради бога, можно с вами сфотографироваться, моя мама вас так любит! Осталось немного подождать, лет пять-шесть, и скажут:

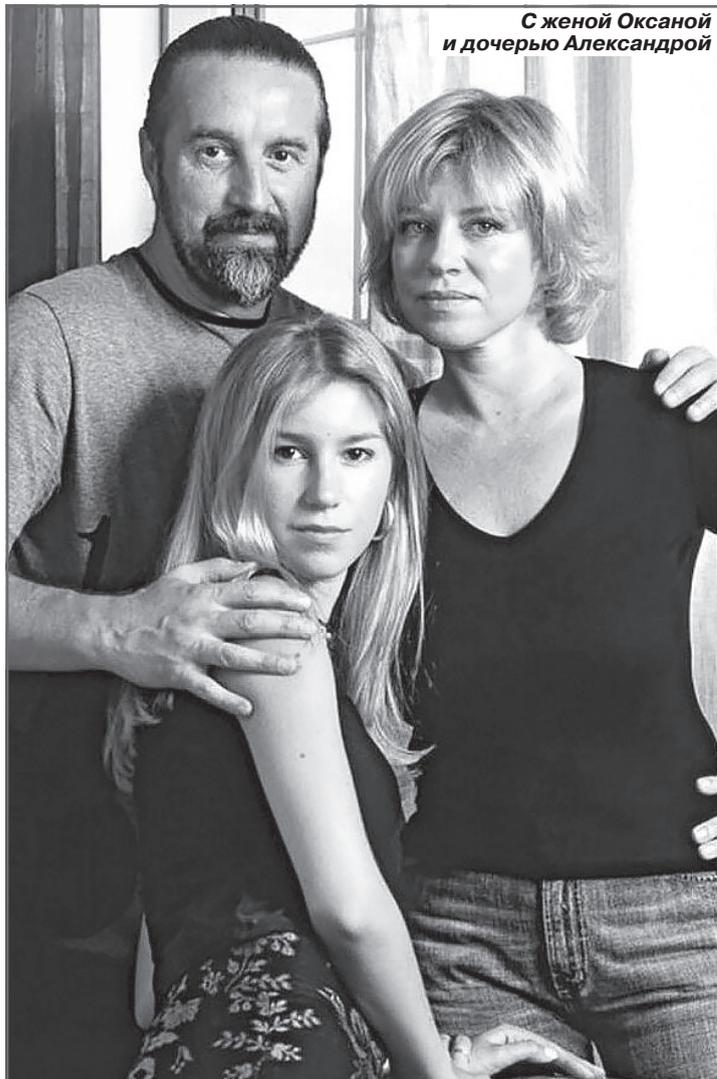
- Моя бабушка вас так любит!

- А как вышло, что, часто появляясь на телеэкране, ты, скажем так, «не замылился»?

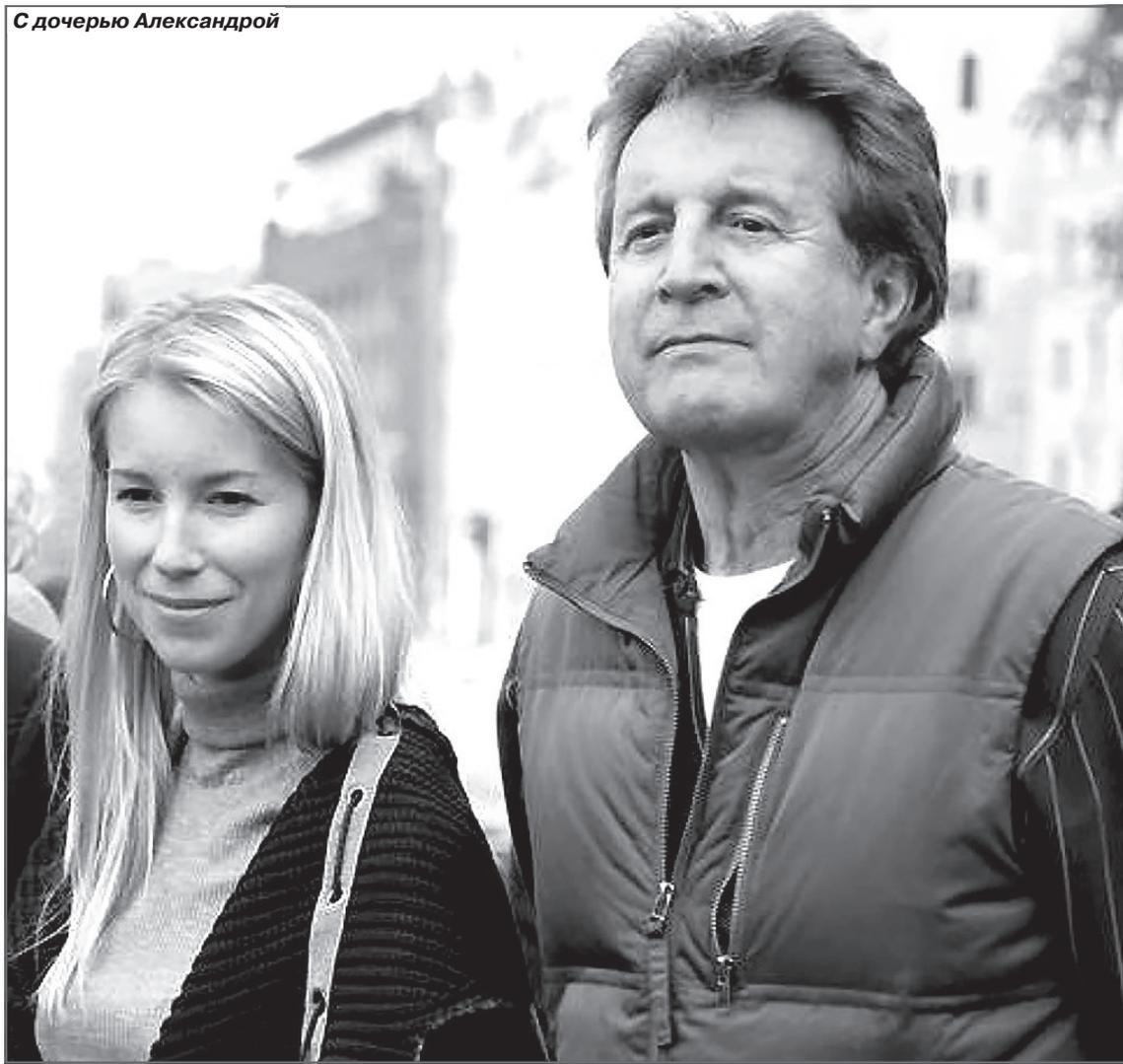
- Однажды вышел очень большой спор. До драки, правда, не дошло. Янковский и Листьев сцепились у меня на даче. А я был между ними как режиссер. Олег Иванович считал, что я, уходя на телевидение в постоянную программу, прощаюсь с профессией артиста. Это были девяностые годы. Не было ни кино, ни театра. В кинотеатрах открывались автосалоны и мебельные магазины. Для меня единственной отдушиной в те годы стала работа с Владом Листьевым, непревзойденным, гениальным тележурналистом. Именно тогда я понял, что телевидением можно заниматься серьезно. Влад был убежден, что я уже настолько известен, что это меня не «запечатает». А Олег считал наоборот. И в этом была своя правда: телевидение приносит широкую популярность и одновременно может отрезать дорогу назад. Например, мой многолетний друг Юра Николаев играл в Театре имени Пушкина, снимался в кино, но все его знают и любят как ведущего популярнейших телепрограмм «Утренняя почта» и «Утренняя звезда». Так же и с Леной Якубовичем. Леня впервые снялся в моей первой продюсерской картине «Московские каникулы» и заразился кино. Но, что бы он ни играл в дальнейшем, прежде всего его воспринимают, как ведущего программы «Поле чудес», которой он отдал уже четверть века, если не больше.

- В девяностые годы у тебя было ощущение, что земля уходит из-под ног, или ты успел в советское время сделать некий задел в профессии?

- У меня были к тому времени фильмы, еще с конца семидесятых. «Тот самый Мюнхгаузен» (не без труда Захаров взял меня на роль, но за меня боролись Сашка Абдулов, Олег и Инна Чурикова) и фильм «Сыщик». Роль небольшая, но меня тогда цитировала вся страна:

С женой Оксаной и дочерью Александрой

С дочерью Александрой

- А я говорю: не рычи!
- Да пошел ты, козел!

Фильмов у меня много. И недавно была премьера «Ночных стражей». Это для меня новый жанр, блокбастер. Я играю полицейского старой закалки, а молодого героя - внук Олега Ваня Янковский. В большой степени я согласился сниматься и вошел в этот проект еще и как продюсер из-за Ваньки, потому что он для меня - сказочная реинкарнация Олега Ивановича. Он очень похож на деда не только внешне, а и манерой, интонацией. И мне кажется, талантлив, как его дед.

Мне всегда хотелось быть как Абдулов, но равнялся я на Янковского.

- Мне очень нравится фильм Валерия Огородникова «Барак». Этот фильм открыл тебя по-новому, показал, что ты не только комедийный или романтический актер, а еще и драматический, даже трагический.

- Я наслаждался этим у Германа. Сколько у меня картин - сто тридцать или сто сорок, но если лет через пятьдесят кто-то и вспомнит что-то из того, что я делал, это будет «Трудно быть богом», потому что это кино вечное. «Барак» - одна из любимых моих картин. Это пятидесятые годы, когда я родился, жизнь моих родителей.

- Ты получил тогда Государственную премию. В денежном выражении она была ощутимой?

- Мы в тот же вечер ее пропили. Приехала «Машина времени», и у меня на даче в беседке мы и пили. Премию получили на десятерых, примерно тридцать тысяч долларов. А доллар тогда стоил в районе двадцати рублей. Это не так много, поэтому с хорошей компанией, человек в пятнадцать, можно прокутить.

- Твой театальный проект «С Наступающим!», который шел в «Современнике», ты возобновил. Но уже не там.

- Да. Так сложилось с театром и с моим партнером Сергеем Гармашем. Мы расстались. Я всю жизнь жил самостоятельно и своим умом, и мне говорили «спасибо». А с «Современником» получилось так, что я сделал все так же, как всегда, а театр воспринял это по-своему. Спектакль шел три с половиной года, зал битком. Я был еще и продюсером. Друзья дали мне денег, которые мы вложили в проект. И поскольку проект оказался успешным, я посчитал справедливым, чтобы театр что-то отчислял спонсорам. И отдал им деньги. Для того чтобы через какое-то время снова предложить этим людям сделать что-то вместе.

Однако театр решил, что это недопустимо. У наших театров менталитет таков, что они не приучены возвращать деньги, счи-

тая их благотворительностью. А Сергей почему-то подумал, что я эти деньги вообще присвоил. Подобного подозрения после нашей многолетней дружбы мне было достаточно, чтобы решить, сколько еще я должен сыграть спектаклей, чтобы закрыть проект. Ну, а потом многие из моего окружения удивились:

- Как, такой спектакль закрыть? Такая пьеса современная.

Года полтора меня в этом убеждали, и я решил начать все заново. Случайно встретившись с моим старым другом Колей Фоменко, показал ему пьесу. Она ему понравилась, и мы сделали еще лучше! Саша Боровский создал новые декорации. Мы играем два-три раза в месяц. Много гастрольных предложений.

- Кстати, а что это за история, когда тебя Вадим Мулерман пригласил в Америку на гастроли? Это были какие-то корпоративы?

- Нет, тогда, в конце восьмидесятых, еще и слова такого не было. Мы - Абдулов, я и Макаревич - стали первопроходцами. Эти гастроли, так сказать, первый блин комом. Мы много тогда объехали: и Филадельфию, и Лос-Анджелес, и Торонто, и Нью-Йорк, и Чикаго.

- Заработали что-нибудь?

- По тем временам дикие деньги. Но все потратили на курточки, ботиночки, джинсики. Наше выступление стоило тысячу долларов. Сто уходило администратору, и по триста мы получали. Выступлений было около двадцати.

С внуком Петей

- На одном из них ты почему-то стал раздавать деньги зрителям. Погорячился?

- Нет, не погорячился. Концерт проходил в еврейской школе для наших эмигрантов. Рекламы никакой не было, повесили объявление на дверях школы. Но при этом вышла большая статья в «Русском слове» с нашими фотографиями и называлась «Три артиста - три веселых друга».

Саша рассказывал о «Ленкоме», о Достоевском и о дружбе США и СССР. Андрюша пел, а потом я выходил и читал Жванецкого.

А деньги я вернул потому, что когда Андрюша спел свою лучшую песню и хотел начать вторую, какая-то женщина с места выступила:

- Скажите, Андрюша, что-нибудь новенькое у вас есть?

И Андрюша потерял дар речи. Он не знал, как на это амикшонство и хамство реагировать. Я бы тоже, наверное, растерялся. Я вышел и сказал:

- Мы к вам приехали и с удовольствием делаем то, что умеем.

И тут вторая фраза этой женщины:

- Мы, между прочим, заплатили по девять с половиной долларов!

А их было всего человек двадцать. Я говорю:

- Я деньги сейчас верну.

И раздал их.

- Ты умеешь собирать вокруг себя друзей. Это дар божий, это, как говорится, в магазине не купишь. Наверное, с детства был таким?

- Да, я был компанейским. Я этого объяснить не могу. К папе с мамой вопрос. Думаю, это мой характер и плюс Ксюшин. Мы очень любим и дорожим нашими друзьями. И в нашем доме, хотя в свое время у нас была только комната в коммуналке, всегда собиралась компания.

Потом появилась первая квартира на Трубной, где родилась Саша.

Самое страшное в дружеских отношениях - предательство. И, наверное, я очень везучий: у меня такого не было. Может, один или два случая. И то предавали меня эти люди под давлением обстоятельств, не по злобе.

- Ты был женат много раз?

- Первой моей женой была Елена, внучка знаменитого маршала Ивана Конева, она училась в медицинском институте.

Это юношеский брак, он продлился всего месяц.

А в Театре на Таганке я познакомился с Зоей Пыльновой. Эта связь просуществовала семь лет. А точкой невозврата стала потеря нашего общего ребенка.

А затем был третий фиктивный брак. Нужна была московская прописка для закрепления в столице.

- А потом в твоей жизни появилась главная женщина?

- Мы с Оксаной встретились у билетной кассы, она попросила прикурить. А я влюбился с первого взгляда.

Потом мы вновь встретились на майском пикнике в компании общих знакомых. Вечером я посадил Оксану в собственные Жигули и увез в новую жизнь.

К слову, она была последней любовью Владимира Высоцкого, практически на ее руках он умер.

Оксана Афанасьева - художница, дизайнер. Дар создавать одежду она наследовала от прадедушки, клиентками которого в свое время были все столичные модницы и знаменитости. В круг знакомых семей деда входили Федор Шаляпин и Айседора Дункан.

- Оксана на тебя сильно повлияла?

- Без нее я был бы другим человеком. Оксана - мой контроль во всех отношениях, мои знания, требовательность по отношению к себе. Это человек, благодаря которому я никогда не зазнавался и не зазнаюсь. Всё, что я делаю, решаю в два голоса. Жена талантливее меня с точки зрения знания жизни. Я иногда плохо поступаю, бываю неадекватен, она всегда умеет объяснить мне, почему я неправ. Ксюша в шесть лет осталась без мамы, потом умер отец, она рано стала самостоятельной.

